

Время. 1862. №12.

НѢЧТО ОБЪ АВТОРИТЕТАХЪ

(письмо въ редакцію «Времени»)

Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни
шеи;

.....

Вотъ счастье! Вотъ права!...

Пушкинъ

На сей разъ письмо мое будетъ кратко, хотя, милостивый государь, различные отзывы, вызванные моимъ краткимъ письмомъ, могли бы мнѣ дать вполне законный поводъ поговорить о многихъ, чрезвычайно интересныхъ вещахъ, а именно:

1) О томъ, что я человекъ вредный, потому что мѣшаю великому дѣлу, совершаемому россійской словесностью.

2) О томъ, что я пуристъ, названіе, данное мнѣ «Современнымъ Словомъ» и

весьма многознаменательное и лестное для меня.

3) О томъ, что я не понимаю, какъ слѣдуетъ поступать россійскому писателю относительно россійской публики, - вопросъ таинственный и для публики весьма любопытный.

4) О томъ, что я заражонъ чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, доходящимъ до неслыханнаго притязанія, будтобы я умѣю соблюдать въ своихъ статьяхъ логику.

И еще о многихъ другихъ подобныхъ сему предметахъ.

Признаюсь вамъ, мнѣ очень бы хотѣлось поговорить обо всемъ этомъ. Хотя я все еще не отказываюсь отъ предположенія, что «труды мои на пользу россійской словесности ничтожны и микроскопически-малы» (какъ я нѣкогда писалъ къ вамъ), хотя я ничѣмъ, кромѣ моихъ писемъ къ вамъ, не извѣстенъ, не заявилъ себя никакими обширными трудами, не приобрѣлъ себѣ даже славы знатока какой-нибудь важной науки, однимъ словомъ до сихъ поръ остаюсь личностью темною,

мелкою, маловажною, тѣмъ не менѣе для меня весьма лестно, что мое незначительное положеніе въ литературѣ начинаетъ видимо опредѣляться, что моя скромная и коротенькая роль въ этой хаотической драмѣ получаетъ въ глазахъ другихъ все больше и больше отчетливости и ясности. И такъ я очень бы желалъ и даже кажется имѣлъ бы право поговорить о себѣ самомъ по поводу того, что говорятъ обо мнѣ другіе. Но вамъ извѣстно, милостивый государь, мое пристрастіе къ точности, связности, цѣльности, извѣстно мое отвращеніе отъ безпорядка, отъ всякой путаницы и недоконченности. Боясь впасть въ нелюбимые мною недостатки и не соблюсти желаемыхъ мною достоинствъ, я отлагаю до болѣе удобнаго случая рѣчь о вышеприведенныхъ предметахъ. Я ихъ обдумаю, обсужу во всѣхъ отношеніяхъ, разсмотрю съ различныхъ точекъ зрѣнія, взвѣшу каждое мнѣніе и выраженіе и тогда быть-можетъ найду форму, въ которой почти возможнымъ представить все дѣло на судъ вашъ и вашихъ читателей.

Теперь же я остановлюсь на одной только точкѣ и займусь самымъ определеннымъ и ясноограниченнымъ предметомъ.

Въ прошломъ письмѣ, какъ вы помните, я разбиралъ соображенія нѣкотораго автора, стремившагося доказать пользу и необходимость общественной благотворительности. Не мало мнѣ стоило труда вникнуть въ эти соображенія, но я совершилъ это дѣло съ свойственною мнѣ добросовѣстностью и точностью. Съ величайшимъ усердіемъ я изслѣдовалъ основанія его выводовъ и слѣдствія его началъ. Къ несчастью я нашолъ разбираемая соображенія неосновательными, нашолъ, что выводы въ нихъ не сходятся съ основаніями. За это, какъ и весьма естественно, авторъ жестоко возсталъ на меня въ своей «хроникѣ прогреса», напечатанной въ № 47 «Искры» за текущій годъ.

Но что же оказывается изъ этой реплики? Оказывается, что всѣ труды мои потрачены понапрасну; оказывается, что

эти основанія и соображенія, которыя я анализировалъ съ такою тщательностью, въ глазахъ самаго хроникера - плевка не стоятъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ не говоритъ о нихъ ни одного слова, онъ ничѣмъ и не пробуетъ защищать ихъ¹; онъ принимаетъ видъ, какъ-будто у него никогда и не было никакихъ основаній и соображеній. Мало того, онъ ясно показываетъ, будто такъ и слѣдуетъ, такъ и нужно - не имѣть никакихъ основаній и соображеній!

Вотъ, милостивый государь, странное обстоятельство, побудившее меня взяться за перо. По мѣрѣ слабыхъ силъ я желаю противодѣйствовать такимъ тлетворнымъ ученіямъ. Я хочу доказать, что безъ основаній и соображеній обойтись невозможно, что каждый писатель долженъ необходимо имѣть свои основанія и соображенія, и что тотъ, кто ихъ не имѣетъ, ничего хорошаго сдѣлать не можетъ.

Живой примѣръ пагубныхъ слѣдствій, которыя неминуемо влечетъ за собою

---

¹ Покрайней-мѣрѣ принимаетъ такой видъ. Будучи, какъ всегда, совершенно точенъ въ своихъ показаніяхъ, замѣчу, что сохраняя видъ умолчанія, хроникеръ привелъ таки одно крошечное соображеніе въ свою защиту. Считаю бесполезнымъ говорить о немъ.

отсутствіе соображеній, представляетъ именно хроникеръ «Искры». Онъ думалъ поразить меня безъ помощи основаній и соображеній, и какъ вы увидите, самъ поразилъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, что онъ дѣлаетъ?

Необращая никакого вниманія на смыслъ того чтл я говорилъ въ прошломъ письмѣ, онъ замѣтилъ въ немъ только одно, именно что я ссылаюсь на экономистовъ. Такъ какъ онъ не разбиралъ какъ и почему, то ему показалось, что я ссылаюсь на всѣхъ экономистовъ, именно что я всѣмъ имъ безъ исключенія приписываю отрицаніе благотворительности². И вотъ онъ думаетъ, что онъ поймалъ меня. Онъ выписываетъ изъ Милля первыя попавшіяся строки, изъ которыхъ было бы видно, что этотъ экономистъ допускаетъ пользу и нужду благотворительности. Выписавши эти

---

² Чтобы не прерывать торжественнаго теченія моей рѣчи, я, при помощи выписки попрошу васъ сдѣлать слѣдующія сличенія:

Я говорю: «Такъ думаютъ многіе политико-экономы». «Время», 1862 года. № 10. С. Об. страница 213, строка 3 сверху.

Хроникеръ возражаетъ: «Есть политико-экономы, проповѣдывающіе и общественную и государственную благотворительность». «Искра». 1862 года. № 47, страница 646, лѣвый столбецъ, строка 10 сверху.

Возможно ли, спрошу васъ, найти здѣсь противорѣчіе кому-нибудь, кто еще не вовсе отказался отъ соображеній?

строки и попережнему не прибѣгая ни къ единому соображенію, хроникеръ начинаетъ жестоко глумиться надо мною за мое будто бы невѣжество. Онъ торжествуетъ, онъ воображаетъ меня раздавленнымъ и уничтоженнымъ. И все это сдѣлано безъ помощи малѣйшаго соображенія! Вся побѣда одержана тѣмъ, что выписано нѣсколько строкъ изъ книжки!

Преждевременное торжество, милостивый государь! Прискорбно видѣть, что хроникеръ такъ легкомысленно отвергъ силу соображеній и такъ суевѣрно возложилъ свои надежды на книжку!

Посмотрите на самомъ дѣлѣ что отсюда выходитъ. Ссылаясь на мнѣніе строго логическихъ экономистовъ, я старался усвоить себѣ ихъ мысль вполнѣ. Я старался показать не только что они думаютъ, но и почему они такъ думаютъ, почему они непременно должны такъ думать. Такимъ образомъ я излагалъ въ своемъ письмѣ полную мысль, мысль съ ея основаніями,

такъ что читатель могъ самъ видѣть какъ она вытекаетъ изъ этихъ основаній.

Слѣдовательно я становился въ положеніе незыблемое, непреоборимое никакимъ манеромъ. Еслибы принимая извѣстныя основанія, ни Мальтусъ и ни одинъ экономистъ на свѣтѣ не вывелъ этой мысли, то отсюда слѣдовало бы только, что ни одинъ изъ нихъ не былъ вполнѣ послѣдователемъ, ни одинъ, выходя изъ извѣстной точки, не дошолъ до конца. Такъ что еслибы хроникеръ былъ правъ, еслибы онъ дѣйствительно ни въ одной книжкѣ не могъ найти вывода этой мысли, а нашолъ бы его только въ моемъ письмѣ, то чело мое увѣнчалось бы только неувядаемою славою, а вовсе не омрачалось бы позоромъ, какъ этого желаетъ хроникеръ.

Но увы! милостивый государь, слава не легко дается. На это намекаетъ старинная латинская поговорка, которая гласитъ: да погибнуть тѣ, которые наше прежде насъ сказали! Мысль, которую въ первый разъ встрѣтилъ въ моемъ письмѣ мой противникъ, и которую онъ осмѣиваетъ съ

такимъ глумленіемъ, о которой онъ говоритъ, что ее и подозрѣвать нельзя, вовсе не моя. Тѣмъ не менѣе противнику моему отъ этого не легче. Онъ не хотѣлъ дѣлать никакихъ соображеній, онъ не хотѣлъ разобрать послѣдовательна ли эта мысль, или непослѣдовательна; а между тѣмъ, чтъ слѣдуетъ изъ моихъ словъ съ непобѣдимою очевидностію? Если доказано, что Мальтусъ былъ строго послѣдователенъ, если онъ строго логически дошолъ до отрицанія благотворительности, а Милль однако же рѣшается ему противорѣчить, то чтъ отсюда выходитъ? Выходитъ, милостивый государь, что Милль - непослѣдователенъ. Выходитъ, милостивый государь, что, къ величайшему ужасу хроникера, Милль, тотъ самый Милль, который былъ напечатанъ въ «Современникѣ», на котораго онъ полагался какъ на каменную стѣну, не можетъ спасти его! Такова сила соображеній! И такъ мало надежны всякія книжки, какъ скоро читаютъ ихъ безъ соображенія!

Мы очевидно очутились, какъ говорится между Сциллою и Харибдою. Скажешь Милль послѣдователенъ, - выходитъ Мальтусъ не послѣдователенъ. Скажешь Мальтусъ не ошибся, - выходитъ Милль ошибся. Кто не умѣетъ самъ плавать, тотъ лучше оставайся дома. Попробуемъ однако же двинуться

Смиренно и дерзко впередъ.

Я осмѣливаюсь, милостивый государь, представить вамъ нѣкоторыя собственныя соображенія на счетъ словъ Милля, которыя хроникеръ такъ гордо выставляетъ, и о которыхъ онъ столь смиренно молчитъ. Выписываю ихъ вполнѣ:

Вотъ что (такъ начинаетъ хроникеръ) между прочимъ говорить о благотворительности Милль:

«Вообще слѣдуетъ каждому оставлять свободу дѣлать все, къ чему онъ предполагается имѣющимъ достаточно способностей; но когда никакъ нельзя

предоставить человѣка самому себѣ, а нужна помощь другихъ, является вопросъ - лучше ли, чтобы онъ получалъ эту помощь исключительно отъ частныхъ лицъ, то-есть помощь не вѣрную и случайную, или получалъ ее, по систематическому устройству, по распоряженію общества, чрезъ его органъ - государственную власть.»

«Независимо отъ метафизическихъ взглядовъ на сущность нравственности и общественнаго союза, каждый согласится, что люди должны помогать другъ другу, что обязанность эта тѣмъ сильнѣе, чѣмъ настоятельнѣе нужда, и что никому помощь не нужна такъ настоятельно, какъ умирающему съ голода. Поэтому право на пособіе, происходящее отъ крайней бѣдности, одно изъ сильнѣйшихъ правъ на свѣтѣ; слѣдовательно, при первомъ же взглядѣ на дѣло, мы видимъ сильнѣйшее основаніе устроить для людей, столь сильно нуждающихся въ пособіи, самый вѣрный способъ доставки имъ пособія, какой

только можетъ быть устроены общественными мѣрами.»

Нужно отдать справедливость Джону Стурту Миллю въ томъ отношеніи, что онъ пишетъ чрезвычайно точно и опредѣленно. Тѣмъ лучше для насъ и тѣмъ хуже для нашего противника. Еслибы г. хроникеръ не уклонялся отъ всякихъ соображеній, то въ приведенныхъ имъ самимъ немногихъ словахъ Милля онъ могъ бы совершенно ясно увидѣть въ чемъ состоитъ главное начало Милля и въ чемъ состоитъ другое, особенное начало, на которомъ Милль основываетъ ученіе о благотворительности. Главное его начало состоитъ въ томъ, что нужно каждому человѣку предоставлять самому себѣ. Вотъ самое общее, самое выгодное и самое плодотворное начало политической экономіи. Это то самое начало, котораго держался и Мальтусъ; развивая его строго, Мальтусъ и дошолъ до убѣжденія, что вмѣшательство однихъ людей въ судьбу другихъ, извѣстное подъ

именемъ благотворительности, не только бесполезно, но даже вредно для общества.

Но Милль не дошолъ до этихъ заключеній: онъ остановился и свернулъ въ сторону. Чтоже ему помѣшало? Въ чемъ состоитъ препятствіе логическому теченію мысли? Очевидно въ томъ, милостивый государь, что люди могутъ умирать при такомъ порядкѣ вещей, когда каждый предоставляется самому себѣ. Иногда - говорить Милль - никакъ нельзя предоставить чловѣка самому себѣ, ибо безъ посторонняго пособія онъ можетъ умереть съ голоду. Итакъ смерть - вотъ единственная преграда, которая остановила экономиста на пути его размышленій, вотъ тотъ послѣдній выводъ, который былъ безтрепетно признанъ Мальтусомъ и котораго не могъ вынести Милль. Не будучи въ силахъ признать этотъ правильный выводъ, Милль какъ-будто самъ не можетъ отдать себѣ отчета, почему онъ его отвергаетъ. «Независимо отъ метафизическихъ взглядовъ - пишетъ онъ - каждый согласится, что никому помощь не

нужна такъ настоятельно, какъ умирающему съ голода и слѣдовательно крайня бѣдность имѣеть право на пособіе».

Не правда ли, какой странный защитникъ благотворительности! Каждый человекъ, проповѣдуетъ онъ, долженъ быть предоставленъ самому себѣ до тѣхъ поръ, пока это возможно. А когда же это невозможно? Когда грозитъ смерть. До тѣхъ поръ, пока не пришла смерть, все хорошо и безъ пособій и безъ благотворительности. Человекъ голодень, мерзнетъ, переносить тысячи нуждъ; все это ничего, все это побужденія къ труду, все это могущественные двигатели, стимулы, оживляющіе экономическое движеніе. И потому не бойтесь, предоставьте каждому человека самому себѣ и помогайте другъ другу только тогда, когда дѣло дошло до крайней бѣдности, до зарѣзу, до голодной смерти.

Очевидно, милостивый государь, Милль непослѣдователенъ; очевидно только въ крайности, только будучи такъ-сказать

приперть къ стѣнѣ, онъ обратился къ другому, неэкономическому ученію, которое формулируется такъ: другъ друга тяготы носите и проч.

Это ученье, какъ вы знаете, не новость; оно никогда не проповѣдывало, чтобы человѣкъ предоставлялъ другому человека самому себѣ; оно никогда не разъединяло, а всегда связывало людей. И я нахожу его больше справедливымъ. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ такъ настоятельно требовать, чтобы человѣкъ былъ предоставленъ самому себѣ? Какая въ томъ надобность, какая польза? Даже какая возможность? Развѣ не естественно, что одинъ человѣкъ принимаетъ участіе въ судьбѣ другого? Развѣ это участіе непременно должно быть вмѣшательствомъ, помѣхою, препятствіемъ? Если же нѣтъ, то гораздо справедливѣе сказать, что люди всегда могутъ, всегда должны стараться участвовать въ жизни другихъ людей. Люди должны помогать другъ другу не только въ крайности, не только тогда, когда безъ помощи обойтись невозможно, но всегда и во всемъ.

Каждый разъ, когда одинъ человекъ приходитъ въ прикосновеніе съ другимъ, они должны содѣйствовать другъ другу, а не тянуть въ разныя стороны и не предоставлять другъ друга на произволь судьбы. Взаимное участіе есть истинно-человѣческое дѣло не только въ случаѣ бѣдности, но и во время богатства, не только въ трудахъ, но и въ удовольствіяхъ, не только въ горѣ и страданіяхъ, но и въ радости.

Вы видите, милостивый государь, что не сіи старыя истины служили исходною точкою Милля; а иначе онъ не смотрѣлъ бы какъ на исключеніе изъ общаго правила на тѣ случаи, когда человекъ не предоставляетъ другого человека самому себѣ. Не менѣе многозначительна другая выписка изъ него, приведенная хроникеромъ.

«Я считаю очень полезнымъ, - говоритъ Милль, - чтобы законъ обезпечивалъ средства существованія находящимся въ крайности здоровымъ людямъ, и чтобы эти

средства не зависѣли отъ частной благотворительности. Впервыхъ благотворительность всегда даетъ или слишкомъ много или слишкомъ мало; расточаетъ щедрость въ одномъ мѣстѣ, а въ другомъ оставляетъ людей умирать съ голоду. Вовторыхъ, государство обязано же понеобходимости содержать бѣднаго преступника, пока онъ сидитъ въ тюрьмѣ; значить если оно не содержитъ невиннаго бѣдняка, то назначаетъ награду за преступленіе. Наконецъ если неимущіе предоставлены частной благотворительности, неизбежно нищенство въ обширномъ размѣрѣ.»

И здѣсь я нахожу не бесполезнымъ прибѣгнуть къ нѣкоторымъ соображеніямъ. Первый резонъ, по которому Милль предпочитаетъ свободной благотворительности регламентированную, есть очень избитая тема. Это та самая мысль, на основаніи которой правительство не предоставляетъ частнымъ лицамъ, а беретъ на себя

устройство школь, построение дорогъ и т. п., та простая и определенная мысль, что правительство умѣетъ все дѣлать гораздо лучше, чѣмъ частныя лица. Трудно думать, чтобы Милль очень крѣпко держался такого начала. Если въ настоящемъ случаѣ онъ рѣшился къ нему прибѣгнуть, то кажется его привелъ къ этому все тотъ же страхъ, чтобы свободная благотворительность не оставила какъ-нибудь людей умирать съ голоду. Но кто же намъ поручится, что благотворительность регламентированная непременно этому помѣшаетъ? Кто намъ поручится, что она непременно будетъ дѣйствовать ловчѣе, быстрѣе, пронизательнѣе, чѣмъ благотворительность свободная?

Частная благотворительность, благотворительность лицомъ къ лицу, есть безъ всякаго сомнѣнія чистѣйшая форма благотворительности, слѣдовательно та форма, въ которой благотворительность можетъ дѣйствовать съ наибольшею силою и полнотою. Вотъ аксіома столь же

несомнѣнная какъ то, что прямая линія есть кратчайшій путь между двумя точками. Если тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности мы принуждены обходить горы, болота и слѣдовательно не держаться прямой линіи; если даже такимъ образомъ мы легче и скорѣе достигаемъ цѣли, то отсюда однакоже не слѣдуетъ ничего противъ краткости прямой линіи. Такъ точно и регламентированная общественная благотворительность нимало не исключаетъ свободной частной, и какъ дорога тѣмъ короче, чѣмъ она ближе къ прямой линіи, такъ и всякая благотворительность тѣмъ лучше, чѣмъ она ближе къ частной благотворительности.

Чтоже касается до второго резона, то онъ какъ нельзя больше страненъ. Трудно даже отдать себѣ отчетъ въ томъ, на какомъ началѣ онъ опирается. Милль хочетъ, чтобы правительство кормило бѣдняка на томъ же основаніи, на которомъ оно кормитъ преступника. А на какомъ основаніи оно кормитъ преступника? Если положимъ оно собирается вѣшать

преступника или рубить ему голову, то оно мнѣ кажется кормить его на томъ же основаніи, на которомъ заботится, чтобы веревка была крѣпкая, а топоръ вострый. Ему нуженъ живой человѣкъ не для того чтобы онъ жилъ, а для того чтобы возможно было лишить его жизни. Жизнь преступника не есть цѣль, а есть средство для совершенія нѣкотораго акта, который правительство почитаетъ нужнымъ совершить. Какая же тутъ связь съ какими бы то ни было политикоэкономическими соображеніями?

Заботится или не заботится правительство о своихъ бѣдныхъ, ни въ какомъ случаѣ ему нельзя поставить въ упрекъ то, что оно кормитъ своихъ преступниковъ. Подобный упрекъ просто невозможенъ. Если же иногда дѣлаются извѣстныя шутки насчетъ казенной квартиры, если голодные бѣдняки доходятъ до зависти къ сытымъ преступникамъ, то эта горькая иронія имѣетъ другой источникъ. Съ голоду можно позавидовать собакамъ, съ нужды и горя можно

позавидовать мертвымъ въ ихъ гробахъ; что же отсюда слѣдуетъ?

Ужасно здѣсь только то, что Милль серьезно говоритъ объ этомъ, то-есть что голодные бѣдняки дѣйствительно завидуютъ сытымъ преступникамъ.

И такъ, милостивый государь, немногія и незатруднительныя соображенья показываютъ намъ, что Милль, отступая отъ мальтусовыхъ началъ, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, что онъ явно ищетъ другихъ, неэкономическихъ точекъ опоры и при этомъ не всегда выбираетъ удачно. Можно ли за это особенно винить Милля? Едвали, милостивый государь. Въ настоящемъ случаѣ могу васъ завѣрить, что Милль несравненно строже и логичнѣе хроникера «Искры». Милль знаетъ что онъ пишетъ. Въ началѣ этой главы, изъ которой хроникеръ сдѣлалъ выписки, Милль прямо говоритъ, что для предмета, къ которому онъ приступаетъ, общей теоріи не существуетъ, что вопросы здѣсь не могутъ быть вполнѣ твердо разрѣшены, и что онъ

не претендуетъ на такую общую теорію и общее рѣшеніе, а думаетъ представить только нѣкоторыя соображенія.

Слѣдовательно если кто виноватъ, то конечно хроникеръ, который вздумалъ выдавать эти соображенія за положительныя рѣшенія, за голосъ самой науки. Хроникеръ не сдѣлалъ чести Миллю, выписавши изъ него слабѣйшія мѣста, да мало сдѣлалъ чести и себѣ. Вотъ что значитъ пагубное упорство въ отверженіи соображеній! Когда хроникеръ выписывалъ изъ Милля, когда онъ почиталъ излишнимъ, а можетъ быть даже вреднымъ и опаснымъ, прибавить къ словамъ своего авторитета хотя единое собственное соображеніе, онъ вѣроятно думалъ: не можетъ быть, чтобы такой отличный ученый, какъ Милль, признавалъ что-нибудь несогласное съ началами науки. Какое гибельное заблужденіе! Охъ, не надѣйтесь, охъ, не полагайтесь ни на кого на свѣтѣ! Все можетъ быть, вездѣ можетъ случиться грѣхъ и бѣда! Продадутъ, измѣнятъ тамъ, гдѣ никакъ не ожидаешь.

Тутъ одно спасеніе, одна надежда - самому смотрѣть во всѣ глаза, самому видѣть дорогу, хотябы найденную другими, и держаться крѣпко на своихъ собственныхъ ногахъ.

Неосторожно, весьма неосторожно поступилъ хроникеръ, положившись на Милля; напрасно въ прошлой своей статьѣ онъ сослался на великія имена Смита и Мальтуса; напрасно и теперь, ища спасенія, онъ подымаетъ тономъ выше и взываетъ уже не къ Смиуту и Мальтусу, а къ Ньютону и Кеплеру. Ужели, спрашиваетъ онъ, еслибы кто нападалъ даже на Ньютона и Кеплера, то для защиты ихъ необходимо дѣлать какія-нибудь соображенія? Увы, соображенія необходимы, и безъ соображеній не спасетъ его ни Ньютонъ ни Кеплеръ. Ньютонъ, тотъ самый Ньютонъ, который по мнѣнію хроникера открылъ силу тяготѣнія, написалъ также престранное толкованіе на апокалипсисъ, и Кеплеръ, тотъ самый Кеплеръ, о которомъ хроникеръ знаетъ, что его имя можетъ быть поставлено рядомъ съ именемъ Ньютона, -

вѣрилъ въ астрологію, думалъ что земной шаръ есть огромное животное, и вообще извѣстенъ въ исторіи науки своими фантастическими мнѣніями. Нѣтъ, не знаетъ, какъ видно, хроникеръ ни Ньютона ни Кеплера, подобно тому, какъ по его собственному признанію онъ не знаетъ Смита и Мальтуса. И если онъ подберетъ какія-нибудь новыя великія имена, то не помогутъ они ему, а развѣ только больше обличать его невѣжество. Но этого мало. Невѣжество, милостивый государь, есть дѣло простибельное, - я никогда не ставлю его въ особую и важную вину. Гдѣжъ намъ, на святой Руси, щеголять познаніями? Но есть вещь болѣе нестерпимая и менѣе извинительная, это незнаніе своего невѣжества. Вы видите на примѣръ изъ предъидущаго, что хроникеръ не только не знакомъ съ авторитетами, имя которыхъ онъ все произноситъ, но что онъ вовсе не понимаетъ какъ слѣдуетъ вообще относиться къ какому бы то ни было авторитету. Онъ неумѣетъ стать въ правильное, въ свободное отношеніе къ

великому имени. Онъ или слѣпо поклоняется или слѣпо глумится.

Нельзя отъ души не пожалѣть, милостивый государь, о такомъ глубокомъ недостаткѣ ясныхъ понятій; вы видѣли къ какимъ бѣдамъ это приводитъ хроникера; чуждаясь руководства соображеній, онъ не въ состояніи былъ сдѣлать ни одного вѣрнаго шагу. Но что вы скажете, если убѣдитесь, что сверхъ того хроникеръ упорно коснѣеть въ своемъ заблужденіи? Что онъ не только самъ не хочетъ слѣдовать соображеніямъ, но и глумится надъ тѣми, кто желаетъ имъ слѣдовать?

Въ самомъ дѣлѣ, какъ верхъ моего неразумія, какъ величайшее изъ моихъ преступленій онъ выставляетъ именно то, что я прибѣгнулъ къ соображеніямъ. «Даже, говоритъ онъ обо мнѣ, пускается въ шарамыжныя соображенія собственнаго сочиненія, что дескать и по началамъ науки такъ и должно быть, что политико-экономы должны отвергать всякую благотворительность.» Шарамыжныя соображенія! Какъ вамъ нравится это

словцо, милостивый государь? Какъ вамъ нравится то, что несчастный хроникеръ дошоль наконецъ до глумленія надъ соображеніями, что онъ ставитъ имъ въ позоръ то, что они собственнаго сочиненія, а не выписаны изъ книжки? Шарамыжныя соображенія! Но мнѣ кажется, что этотъ эпитетъ вовсе нейдетъ къ соображеніямъ. Вотъ если кто не хочетъ руководствоваться собственными соображеніями, а выписываетъ изъ книжки, то это дѣйствительно нѣчто шарамыжное. Соображеній же ругать нельзя, - соображенія всегда похвальны; непохвальна и достойна осужденія только несообразительность, недостатокъ соображеній. Нѣтъ, дѣйствительныя соображенія не могутъ быть шарамыжными! Вотъ если хроникеръ, какъ мы видѣли, уклоняется отъ настоящихъ соображеній, если онъ, на примѣръ составляя свою хронику, питался только мыслями такого рода: нужно бранить «Время», нужно бранить «День», нужно подхвалить г. Антоновича, и проч., то это будутъ

дѣйствительно шарамыжныя соображенія, ибо, милостивый государь, слово шарамыжный, по мнѣнію нѣкоторыхъ знатоковъ, вѣроятно происходитъ отъ французскихъ словъ cher ami, т. е. милый другъ и слѣдовательно содержитъ въ себѣ намекъ на нѣчто подобное дружбѣ, или вообще лицепріятное и пристрастное.

Вотъ все, что я желалъ сообщить вамъ на сей разъ, милостивый государь. Прибавлю въ заключеніе, что при видѣ столь печальныхъ явленій, столь страннаго извращенія понятій не должно предаваться унынію; я твердо надѣюсь, что сила соображеній, какъ дѣйствительная и великая сила, всегда одержитъ верхъ надъ своими противниками; что какъ бы ни было смутно и хаотично броженіе мнѣній, всѣ тѣ, которые не прибѣгаютъ къ этой силѣ, а хотятъ дѣйствовать другими орудіями, погибнуть неминуемо. Что касается до меня, то позволяю себѣ завѣрить васъ, что я всегда считалъ и считаю своимъ священнымъ долгомъ ревностно и безпристрастно служить этой силѣ по мѣрѣ

слабыхъ моихъ дарованій. По сему самому, если я возбудилъ противъ себя неудовольствіе, если встрѣченъ былъ неблагоклонными отзывами, то я почитаю это себѣ за честь и за похвалу, а отнюдь не за стыдъ и за униженіе.

Если кто напримѣръ кричитъ мнѣ, что я ему мѣшаю, то это меня не смущаетъ: я не хорошему чему-нибудь мѣшаю, я мѣшаю напримѣръ злостному употребленію великихъ именъ.

Если кто называетъ меня пуристомъ, то я этому радуюсь: я дѣйствительно не люблю никакой нечистоты, никакого шарамыжничанья.

Если меня упрекаютъ, что я не беру въ расчетъ публики, то я этимъ горжусь: я дѣйствительно говорю прямо что думаю, и забочусь о томъ, чтобы отвести глаза читателей.

Если наконецъ нападаютъ на мое самолюбіе, то я ставлю себѣ это въ великое достоинство. Я дѣйствительно до крайности заражонъ самолюбіемъ, напримѣръ: имѣю притязаніе на собственныя соображенія, и

приписываю себѣ способность понимать тѣ авторитеты, на которые ссылаюсь.

Н. КОСИЦА

PS. Нѣкоторыя выраженія моего письма могутъ подать вамъ поводъ думать, что я шучу. Не ошибитесь милостивый государь! Можетъ-быть въ этихъ самыхъ мѣстахъ я успѣлъ выразиться самымъ точнымъ и близкимъ къ истинѣ образомъ.
